

Ю. Л. Ореханов**Критика моральных идей Л. Н. Толстого в трудах Д. Н. Овсяннико-Куликовского**

В статье рассматривается критика моральной доктрины Л. Н. Толстого, предпринятая выдающимся филологом и историком культуры конца XIX – начала XX в. академиком Д. Н. Овсяннико-Куликовским. В статье показано, что известный русский лингвист наглядно продемонстрировал глубокое различие моральных установок Л. Н. Толстого и безрелигиозных представителей русской интеллигенции и фактически сформулировал своеобразный «моральный катехизис» русского либерализма начала XX в.

Ключевые слова: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Л. Н. Толстой, критика моральной доктрины.

Ju. L. Orekhanov**Criticism of L. N. Tolstoy's Moral Ideas in Works by D. N. Ovsjaniko-Kulikovsky**

In the article is regarded the criticism of L. N. Tolstoy's moral doctrine, undertaken by the outstanding philologist and historian of culture of the end XIX – the beginning XX century – academician D. N. Ovsjaniko-Kulikovsky. In the article it is shown that the famous Russian linguist visually demonstrated a great distinction of L. N. Tolstoy's moral settings and nonecclesiastical representatives of the Russian intelligentsia and actually formulated unique «moral catechism» of Russian liberalism of the beginning of the XX century.

Keywords: D. N. Ovsjaniko-Kulikovsky, L. N. Tolstoy, criticism of the moral doctrine.

Одной из самых примечательных фигур среди русских ученых, занимавшихся на рубеже XIX–начала XX в. историко-культурными исследованиями, является Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) – литературовед и лингвист, ученик А. А. Потебни, почетный член Петербургской Академии наук (1907), автор многих работ о русских писателях-классиках XIX в., вошедших в монументальную «Историю русской интеллигенции». Д. Н. Овсяннико-Куликовский являлся автором ряда монографий о Л. Н. Толстом. Учитывая очень широкий диапазон вопросов толстовского творчества, интересовавших выдающегося филолога, в данной статье мы остановимся только на одном аспекте – критике моральных идей Л. Н. Толстого.

Критика Д. Н. Овсяннико-Куликовским морального учения Л. Н. Толстого, насколько можно предполагать, является эпизодом, мимо которого прошло подавляющее большинство современных исследователей. Однако по-своему эта критика крайне примечательна и значима, ибо известный русский лингвист, который в своих работах вообще уделял Л. Н. Толстому особое внимание, в данном случае не только наглядно показал, почему русская интеллигенция не идет и никогда не пойдет за Л. Н. Толстым, но фактиче-

ски сформулировал свой собственный, очень своеобразный и показательный, нравственный катехизис. Анализ Д. Н. Овсяннико-Куликовского актуален тем, что его интересует не философское содержание учения Л. Н. Толстого, не его теоретическая убедительность, а «практическая» актуальность для русского образованного человека начала XX в.

Главный вопрос, который Д. Н. Овсяннико-Куликовский адресует Л. Н. Толстому, можно сформулировать так: может ли человек последовать моралистическим рекомендациям Л. Н. Толстого, и если да, то в какой степени? Другими словами, как катехизис Толстого соотносится с религиозными потребностями «прогрессивного человечества» начала XX в.?

С этой точки зрения исследования Д. Н. Овсяннико-Куликовского действительно представляют большую ценность. Дело в том, что он, типичный представитель русской интеллигенции, академик, достаточно убедительно показывает всю несостоятельность морального учения Л. Н. Толстого именно с этой, практической точки зрения.

Отвечая на поставленный выше вопрос, Д. Н. Овсяннико-Куликовский исходит из того, что главный интерес современного культурного человека связан с категорией «прогресс», который

определяется как «создание и накопление материальных и духовных благ и движение в сторону их демократизации, – предоставления всем и каждому возможности ими пользоваться» [1]. При этом он формулирует следующее примечательное правило безрелигиозного гуманиста – «не поднимать религиозных вопросов без крайней необходимости» [2]. Другими словами, есть ли загробная жизнь или ее нет, все равно живи и другим давай жить, – таково, с точки зрения Д. Н. Овсяннико-Куликовского, простое решение вопроса [3]. Очевидно, здесь уже проходит принципиальный водораздел с учением Л. Н. Толстого – для Д. Н. Овсяннико-Куликовского главный вопрос писателя, мучивший его всю жизнь, не является актуальным, как и вся религиозная проблематика.

Эта демократизация духовных благ, в свою очередь, складывается из следующих параметров.

1. *Безусловная религиозная терпимость*, «которая несовместима с уверенностью в обладании абсолютной религиозной истиной» [4] и предполагает многообразие религиозного опыта.

2. *Полное отделение религии от морали*, полная автономизация морали, явление, которое сопровождается процессом создания универсальной морали, единообразной и обязательной для всех людей, то есть формирования общечеловеческих принципов нравственности: «...вырабатывается общечеловеческий тип моральной личности, создаются одинаковые моральные переживания, независимые от социального положения лица, его религиозных верований, политических убеждений, нравов среды и т. д. Совесть людей уравнивается: тут нет ни еллина, ни иудея, – и средний, нормальный культурный человек, живущий, скажем, в Берлине, в общем реагирует на моральные преступления так же, как реагирует на них средний обыватель Чикаго». Унификация морали сопровождается ее полной автономизацией: «В свою очередь и религия, разрывая связь с моралью, выигрывает в автономности и в достоинстве. Она становится началом самодовлеющим, самобытным, превращаясь в “чистую религию”, – явление аналогичное “чистому искусству”, “чистой науке”, “чистой философии”» [5].

Очевидно, последний тезис был для Л. Н. Толстого также абсолютно неприемлем: мораль без религии, даже той религии, которую проповедовал писатель, была для него фикцией. Более того, эти подходы диаметрально противоположны. Ес-

ли в понимании Л. Н. Толстого религия должна охватывать все без исключения сферы жизни человека (политику, экономику, мораль, науку, искусство), должна быть для них фундаментом, то призыв Д. Н. Овсяннико-Куликовского означает, что религия становится одним из «аспектов» жизни, приобретает характер «музейного экспоната», превращается в предмет научного («религиоведение») или эстетического изучения и, в конечном счете, загоняется в «гетто».

3. *Гуманность и справедливость как альтернатива любви*: «...для истинно прогрессивной и жизнеспособной морали будущего понятие (да и сам термин) “любви” не годится <...> Нет, о любви ко всем не может быть и речи. Вместо термина “любовь” мы возьмем другой: “гуманность” <...> не “любовь”, а *гуманность* – вот формула высшей морали», которая должна быть дополнена справедливостью, то есть адекватным отношением к порядочному человеку и мерзавцу. Эти мораль и гуманность не носят автоматического характера, а определяются синтезом сострадания и жалости, с одной стороны, и отвращения и негодования, – с другой: все эти чувства «отлично обходятся без любви (которая нередко даже мешает им), и все они в деле морального развития и творчества гораздо важнее ее» [6]. У гуманности есть еще одно важное преимущество по сравнению с любовью: она свободна от лицемерия и эгоизма [7].

Этот пункт программы был прямо направлен уже не только против принципа «разумной любви» Л. Н. Толстого, но в целом против главной установки русской культуры (и, в частности, литературы) – сочувствия к «маленькому человеку». «Гуманность» нового образца полностью теряет свои евангельские корни и превращается в расчетливый прагматизм. Совершенно неслучайно, как отмечалось выше, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, уделяя в своих работах (в первую очередь в капитальном труде «История русской интеллигенции») такое пристальное внимание Л. Н. Толстому, отводит довольно скромное место творчеству Ф. М. Достоевского, ибо последний убедительно показывает, насколько подобные гуманистические установки не учитывают всей сложности человеческой природы. С другой стороны, следует признать, что в XX в. законодательство демократических государств Европы и Америки строилось в соответствии с той прагматической гуманностью, которая провозглашена здесь русским лингвистом.

4. *Доброта и гуманность как альтернатива святости* – принцип, который является своеобразным финалом секуляризационной программы Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Человек, стремящийся к святости, в конце концов должен чуть ли не испытывать презрение к «прочим смертным, которые о святости не помышляют». С точки зрения автора программы, святость имеет ценность только сама по себе, от нее человечеству ни тепло, ни холодно, она неспособна «порождать другие моральные ценности, развивать нравственную силу в обществе и действовать воспитывающим образом на ряд поколений», так как моральная ценность святости обесценивается ее непригодностью для других. Не эгоизм святости, а доброта и гуманность [8].

Реально христианской святости противопоставляется право человека быть *пошлым*, правда, в определенных пределах это «право» человека *на известную долю пошлости и шаблонности*, право жить «как все», по заведенному порядку, не мудрствуя, не пытаясь направить свою жизнь по какому-то особенному пути. Таков удел и таково несомненное *право* человека, в особенности же так называемого «среднего» человека, каких легион [9].

Эта претензия на пошлость складывается из следующих двух параметров. С одной стороны, это право жить не выше определенного шаблона. С другой стороны, это обязанность не опускаться ниже определенного шаблона. При этом общество предъявляет требования к любому моралисту: по возможности содействовать развитию указанного шаблона, его усовершенствованию, прогрессивному развитию; а для этого нужно только быть порядочным и совестливым человеком: «Выше этого требования моралист в своей критике и оценке людей с нравственной стороны подниматься не должен – под опасением разыграть неблагодарную и не лишнюю комизма роль вопиющего в пустыне...» [10].

Примечательно, что сказано все это было всего за несколько лет до самой кровопролитной войны в истории человечества – Д. Н. Овсяннико-Куликовский не подозревает, что на намеченном им пути «прогрессивное человечество» ожидают не смягчение нравов, военное разоружение, новые и уже глобальные дипломатические победы, в целом глобальное торжество гуманизма, а грозные испытания: две мировые войны, опыты тоталитаризма, научно-технический прогресс со своим главным детищем – технократическим обществом потребления, сексуальная революция

и др. Под влиянием этих факторов программа либеральной безрелигиозности во второй половине XX в. в значительной степени испытала дрейф в сторону даже не столько неверия, сколько полного религиозного индифферентизма и апатии.

В сжатом виде программа Д. Н. Овсяннико-Куликовского представляет собой своеобразный ответ и Л. Н. Толстому, и Ф. М. Достоевскому. «Культурное человечество» действительно пойдет по пути, намеченному Д. Н. Овсяннико-Куликовским, хотя понятно, что его «программа» в этом смысле не оригинальна – до него идеи автономной морали и антирелигиозного бунта были в Европе озвучены М. Штирнером и Ф. Ницше, а в России – А. И. Герценом и его последователями. Моральный идеал, нарисованный Д. Н. Овсяннико-Куликовским, был за 30 лет до появления книги последнего о Л. Н. Толстом предсказан «Легендой о Великом инквизиторе» – объектом гуманности и попечения инквизитора становится маленький человек, живущий мелкими радостями и печалью, поистине недоделанное и пробное существо, которое, однако, сотворено не Богом, а само по своей злой воле стало таким. Инквизитор обещает человеку не бесконечное блаженство обладания абсолютным добром, в котором это существо уже не нуждается, а тихое и смиренное счастье слабосильных существ, какими люди якобы созданы изначально. Именно поэтому, заметим, людям и разрешен грех, а вечная жизнь является уделом избранных: «Ибо если бы и было бы что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они» (ДПСС. Т. 14, с. 236).

Несколько позже, уже в воспоминаниях, написанных после разрушительной войны и не менее разрушительной революции, Д. Н. Овсяннико-Куликовский снова возвращается к обоснованию идеи нравственного прогресса: «*Прогресс* я свожу к понятию постепенного *оздоровления*, физического и душевного, социального и политического. Текущий фазис цивилизации, при всех его отрицательных сторонах, являет, сравнительно с протекшим, картину *относительного* здоровья. Прогресс – не случайность, а закономерная форма эволюции и необходимый постулат исторического развития передовых народов. Руководящими силами прогресса служат идеи свободы и справедливости, успехи разума и морали, при неустанной, планомерной и рациональной борьбе со всевозможными формами человеческого зла... Прогноз будущего в общем утешителен. Он тем

утешительнее, чем безотраднее диагноз прошлого» [11].

Секуляризационная программа Д. Н. Овсяннико-Куликовского ознаменовала собой полный идейный крах Л. Н. Толстого, который был нужен интеллигенции при жизни – как великий писатель, как «борец с самодержавием», как антицерковный проповедник, известный всему миру, но не как религиозный учитель. Даже самое ценное в наследии писателя, его горячий социальный протест, оказался «не востребуемым» – жгучая проповедь против нищеты и социальной обездоленности никаких реальных последствий в жизни России не имела. Для большинства читателей Л. Н. Толстого наибольшую ценность имело то, чем сам писатель дорожил в наименьшей степени, и наоборот – общество осталось совершенно глухо к его самым задушевым идеям и призывам.

Этот вывод подтверждается многочисленными свидетельствами современников. Д. С. Мережковский на заседаниях Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. утверждал, что «образованные русские люди, восставая против догматики и схоластики Церкви, считают своим вождем Л. Н. Толстого лишь по недоразумению», ибо писатель действительно пребывал в духовном одиночестве, отрицая Церковь, государство и культуру [12]. У Л. Н. Толстого практически не было серьезных последователей, а для большинства его читателей и, заметим, почитателей его моральное учение было крайне неубедительно. На это вопиющее противоречие толстовского юбилея 1908 г. очень точно обратил внимание С. Л. Франк: ему был очевиден контраст между восторженным восхвалением писателя и полным равнодушием или даже отрицательным отношением к его идеям [13]. Об этом же говорит в своих воспоминаниях и С. Н. Дурьлин: учение Л. Н. Толстого оказалось просто «религиозным ничем» [14].

Своеобразный итог сказанному подводит М. В. Паперный: «Большинство русского общества – исключением была небольшая группа последователей Толстого, идеологических и литературных, – отвергло Толстого. Ненасилию предпочли насилие, любви к добру – любовь к злу, разуму – иррациональность, простоте и природности – сложность и культуру. Таков был общий культурный выбор накануне революции, и он проявлялся на самых разных уровнях и флангах, от модернистских литературных и интеллектуальных экспериментов до политических проек-

тов нового государства, ведущих к счастью через насилие <...> для очень широкого круга русских писателей, критиков, публицистов, философов, идеологов, церковников, социальных прожектеров и политических деятелей Толстой воплощал и символизировал альтернативу их собственному миру. Толстой был для них живым классиком, они с детства читали его книжки, и они готовы были признать его “великим отцом”. Но он мешал им – “мешал писать”, как сказал Блок, мешал жить и бороться, строить и любить, тратить его наследство» [15].

Примечания

1. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. – СПб., 1911. – С. 148.
2. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. – С. 137.
3. См.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания. – СПб., 1908. – С. 123.
4. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. – СПб., 1911. – С. 140.
5. Там же. С. 143.
6. Там же. С. 146, 147.
7. Там же. С. 156.
8. См. там же. С. 157.
9. См.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: К 80-летию великого писателя: Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания. – СПб., 1908. – С. 145–146.
10. Там же. С. 146–147.
11. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. – Пг., 1923. – С. 51.
12. См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. – М., 2005. – С. 58.
13. См.: Франк С. Л. Лев Толстой и русская интеллигенция // Русские мыслители о Льве Толстом: сборник статей. – Ясная Поляна, 2002. – С. 161.
14. Дурьлин С. Н. В своем углу: Из старых тетрадей. – М., 1991. – С. 212.
15. Паперный В. М. Лев Шестов о Толстом и Достоевском // Толстой или Достоевский?: Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада: материалы Международной конференции, 3–7 сентября 2001 г. / РАН. Ин-т русск. литературы (Пушкинский Дом). – СПб., 2003. – С. 81.